

обе типографии заняты печатанием российского Шакеспера») (С. 501) заинтересованное внимание к планам, нетерпение, любопытство, плохо скрываемые добродушной улыбкой: «Ты в Москве (...) несколько скупаешь; но еще более работаешь; десятую долю старых планов производишь в действо, делаешь новые планы (...) Не правда ли? — Поэзия, музыка, живопись воспеты ли тобою? (...) Ликует ли русская проза и любитесь ли каким-либо новым светильником в ее мире, тобою возженным? Отправлено ли уже письмо к Лаватеру с Луидором?» (С. 506). Иной характер приобретают критические отзывы. Прежде критика сводилась к скорому (порой уничтожающему) приговору и советам типа: «Если ж непременно хочешь писать по-немецки, то пиши кое-что такое, чего бы никто не читал; а с формироваанною в голове твоей писею о Соломоне не осмеливайся показываться в публику»²⁶ (С. 503).

Но ученик вырос, стал интересен и значителен. Критика превратилась в обстоятельный анализ. Таково письмо от 19 июля 1792 г.: «Из надписей твоих — последняя, то-есть:

„Покойся, милый прах, до радостного утра!“ —

нравится мне отменно, как в сравнении с прочими, так и сама по себе (...) Она проста, нежна, коротка и учтива к прохожему, потому что не допускает его до труда думать, что бы сказать, узнавши, кто погребен под монументом (...) Однако ж, мне кажется, критического мнения даром оказывать не можно, и потому ты необходимо должен сообщить нам подробное и обстоятельное описание монумента, к которому она сделана» (С. 511).

Перестраивается композиционная структура письма. Информация о себе, прежде подчеркнута лаконичная («Касательно до меня самого не имею ничего нового сказать. Я живу все по-старому: сплю много, работаю мало, часто шатаюсь по улицам, заброжу иногда в театр...») (С. 500), разрастается в подробное сообщение, включающее немислимые ранее бытовые подробности, сценки (см. описание именин И. П. Тургенева) и даже рассказ о «небольшом приключении, недавно бывшем» (С. 508). В письмах 1785 и 1787 гг. господствовал запрет на выражение чувств: «Ты хорошо делаешь, что не спрашиваешь, для чего первое мое к тебе письмо было так коротко. Я не имею отменной охоты рассказывать (...) Проницательный человек сам усмотрел бы это из другого моего к тебе письма, а может быть, из самого этого, которое теперь пишу» (С. 504). Теперь запрет снят. Может быть, потому что отъезд Карамзина за границу растопил суровое сердце его друга: ведь еще никогда их разлука не была столь продолжительной. Так это или иначе, но тон писем резко переменялся.

²⁶ Интересно, что, готовя письма Петрова к публикации, Карамзин вычеркнул эти строки